

Мо Яньхань поначалу решил, что ослышался или глаза его подводят. Он подался вперёд и вгляделся внимательнее: на жёлтой жертвенной бумаге изящным, летящим почерком выведено ровно три иероглифа — «Шэнь Хуайцзюнь».

«Жгут его имя, чтобы отвадить злых духов?» — недоумевал Владыка призраков. В мире смертных бытовал обычай сжигать бумагу, дабы отослать деньги усопшим. Но неужели эти люди жгли имя, надеясь дать нечисти понять, будто орден Цинсяо находится под защитой Шэнь Хуайцзюня, и близко подходить не стоит?

— Просто смываем скверну, — с благодушной вальяжностью пояснил Юй Синьчжи, не скупясь на разъяснения. — Этот Шэнь Хуайцзюнь лишь притворяется благородным мужем, а на деле — коварный и подлый тип, привыкший наживаться на собственных учениках.

— Мой второй сын как раз собирается отправиться в орден Цинсяо, чтобы пройти обряд посвящения. Вот мы и жжём его имя — заранее очищаем путь от дурного знамения, чтобы, не дай боже, не попасть к такому наставнику.

Мо Яньхань обомлел, лицо его потемнело.

В это время Шэнь Хуайцзюнь сидел у окна, молча слушая доносившийся со двора разговор.

Запятнанная репутация, всеобщее презрение... Вероятно, так оно и выглядело: его имя превратилось в символ скверны, и его жгли, словно изгоняя моровую язву. О подобном он слышал ещё на Утёсе Раскаяния, но воочию столкнулся впервые.

Однако Мо Яньхань насупился, сбитый с толку. Если Шэнь Хуайцзюнь и впрямь был эгоистичным и корыстным человеком, с чего бы ему тратить половину своего духовного развития, чтобы упрятать его обратно в Царство призраков?

Поступок, конечно, с точки зрения Владыки призраков, скверный, но для человеческих мерок — самый что ни на есть благородный.

— Шэнь Хуайцзюнь... не мог быть настолько дурным человеком, — возразил Мо Яньхань.

Юй Синьчжи лишь презрительно фыркнул с видом умудрённого старца, снисходительно вззирающего на невежественного юнца:

— Откуда вам, смертным, знать о делах бессмертных? Ныне владыка талисманов в ордене Цинсяо — Гао Линьяо, второй сын законной ветви рода Гао. В свое время он поступил в обучение к Шэнь Хуайцзюню, и что же из этого вышло?.. Хм-хм!

В разговор вмешался Юй Сыхуань:

— На людях Шэнь Хуайцзюнь казался мягким, кротким да добросердечным наставником, а сам из зависти к древнему наследию клана Гао специально учил его искажённым, сомнительным техникам! Чуть пальцы парню не сгубил!

Юй Синьчжи сокрушённо зацокал языком и, повернувшись к двери, тяжело вздохнул:

— А ведь это пальцы заклинателя талисманов!

При наборе учеников бессмертные ордена чаще всего принимали обычных смертных, однако изредка туда отправляли и отпрысков древних родов для закалки. Гао Линьёо являлся законным наследником клана Гао — первого рода заклинателей талисманов в Великих Землях.

А ведь талисманы чертят руками. Повредишь меридианы в пальцах — и считай, половина твоей силы сгинула. Потому-то пальцы у мастеров талисманов ценились на вес золота, не говоря уже о прямом наследнике великого клана, на чьих плечах лежало будущее всего рода.

— Как вспомню, так оторопь берёт. Шэнь Хуайцзюнь был настолько злобен и ядовит, что легко отделался, дав дуба! — с гневом выплюнул Юй Синьчжи.

— Отец, не тревожьтесь, — успокоил его Юй Сыхуань. — Ныне орденом Цинсяо управляет Бессмертный господин Бай Шэн. Он милосерден и чист душой, при нём подобная гниль не повторится.

Мо Яньхань, нахмурившись, резко поднял голову и спросил:

— А этот ваш... как его там, Гао Линьёо... у него действительно были искалечены пальцы?

— Э-э... да нет, вообще-то. Совсем недавно он даже начертал Талисман Чёрных Чернил с Золотым Узором.

— Раз пальцы целы, значит, ваш Гао Линьёо просто возвёл напраслину на честного человека, — чеканя каждое слово, уверенно произнёс Мо Яньхань. — А вы, языками чеша, бездумно повесили на него вину. Поведение, достойное низких ничтожеств.

Юй Синьчжи, мужчина средних лет и градоначальник, привыкший к всеобщему почтению, отродясь не слыхивал, чтобы какой-то мальчишка тыкал в него пальцем и звал ничтожеством. Лицо его вспыхнуло, он уже занёс руку над рукоятью меча, но сын остановил его.

— Мой юный друг абсолютно прав, мы лично ничего не проверяли, — плавно проговорил Юй Сыхуань. — Однако в своё время Гао Линьёо проучился у Шэнь Хуайцзюня всего год, после чего со слезами прибежал к Бессмертному почтенному Линсю, умоляя перевести его к Бессмертному господину Бай Шэну. Если наставник хорош, станет ли ученик сбегать к другому? К тому же слухи о повреждённых пальцах Гао Линьёо поползли из самого ордена

Цинсяо, не мы их выдумали.

Служанка тут же подхватила:

— Вот именно! Шэнь Хуайцзюнь просто мелочен и позавидовал таланту собственного ученика!

— Благо даос Гао родом из великого клана, смышлён и вовремя распознал подвох, а не то сгинул бы зазря!

В комнате Шэнь Хуайцзюнь держал в руках сборник повестей, но взгляд его остекленел. А ведь Юй Синьчжи был осведомлён о событиях прошлых лет довольно неплохо. В тот год Гао Линъяо действительно со слезами кинулся к Бессмертному почтенному Линсю. О чём конкретно он плакал, Шэнь Хуайцзюнь не знал до сих пор. Тогда он впервые взял ученика, робел, терялся и искренне полагал, что совершил какую-то ошибку.

Он стоял на коленях перед Главным залом, выпрямив спину под изумлёнными взглядами младших учеников. Солнце склонялось к западу, когда из дверей выплыл учитель.

Шэнь Хуайцзюнь помнил, как низко склонился, коснувшись лбом холодных плит, и промолвил, что учил Гао Линъяо со всей душой, но по глупости своей не понял, в чём согрешил, и просил указать на ошибку.

Однако учитель не ответил. Лишь поднял взор на вечернее небо, где среди багровых полос заката проступали первые звёзды, и тяжело вздохнул:

— Хуайцзюнь, твоей вины тут нет. Но если Гао Линъяо станет учиться у Бай Шэня, пожалуй, так будет лучше для всех.

Учитель обнял его, утешая, а когда от обиды у Шэнь Хуайцзюня покраснели уголки глаз, бережно смахнул слезу:

— Не плачь, Хуайцзюнь. У тебя обязательно появится куда более послушный и достойный ученик.

Вернувшись из воспоминаний в реальность, Шэнь Хуайцзюнь посмотрел на лежавшую перед ним книгу, полную счастливых историй, и пальцы его дрогнули.

"Учитель... ну что же вы снова обманули меня?"

Не было никаких счастливых финишей, не было трогательных сказаний о союзе учителя и ученика — лишь разбитые надежды, которые не собрать воедино. Каждая попытка растревожить старую рану отзывалась жгучей, кровоточащей болью.

Внезапно духовная ци в его меридианах хлынула вспять. Он прижал руку к губам, заходясь в глухом кашле, и вскоре на бледных пальцах выступила алая капля.

В тот же миг в главном зале у Мо Яньхэня дрогнуло сердце — красная нить связывала их духовные каналы.

Он кашляет кровью!

Бешеная ярость мгновенно затопила разум. Владыка призраков взмыл в воздух Восемнадцатизвенный кнут свирепого дракона и с маху обрушил его на каменный пол. Плиты разлетелись в пыль и мелкие осколки.

Отец и сын Юй в ужасе отшатнулись. Они и помыслить не могли, что какой-то оборванец владеет заклинаниями. Когда пыль улеглась, перед ними стоял юноша с ледяным лицом, а в его глазах пылал адский огонь.

— Я тут подумал... — тихо и сухо выцедил юноша. — Слишком уж много вы болтаете.

— Да ты, мелкая сошка... — начал было Юй Синьчжи с глумливой усмешкой, но осел.

Двор в мгновение ока заволокло непроглядной черной тучей, а лицо Юй Сыхуаня стало смертельно серьёзным.

Однако, помня о могуществе своего клана, Юй Синьчжи спрятался за колонну и визгливо закричал:

— Дерзишь мне?! Да знаешь ли ты, кто такие Юй?!

Кнут, объятый клубами тьмы, рассекая воздух и выбивая искры из камня, рванулся вперёд. Юй Сыхуань сходу загородил отца, активировав защитный артефакт.

— Отец, бежим! Этот парень непрост!

Юй Синьчжи не хотел отступать — на нём же столько защитных амулетов, неужели они не сдержат какого-то мальчишку?! Но сын в панике выкрикнул:

— Отец, плащ трещит!

Все уставились на сияющий нефритовый плащ: по нему расползалась глубокая трещина. Ещё пара ударов — и артефакт разлетится вдребезги.

Руки Юй Синьчжи затряслись. Повинуясь инстинкту самосохранения, он бросился к воротам. За считанные секунды весь клан Юй выскочил во двор.

Юй Сыхуань, сохраняя остатки хладнокровия, удерживал удары кнута из последних сил артефакта, прикрывая отход. Уже на пороге он метнул в сторону дома Черную фарфоровую куклу.

Юй Синьчжи уже сбежал на летающий корабль. Когда окровавленный Юй Сыхуань ступил на палубу, отец даже не спросил о ранах, а лишь ошарашенно пробормотал:

— Нефритовый плащ... разбился?

Юй Сыхуань мрачно кивнул.

— Разбился... — Юй Синьчжи рухнул в кресло, не веря своим глазам. — Тысячелетнее сокровище нашего рода уничтожено каким-то щенком?! Убить его! Стрите его в порошок!

Но на полуслове до него дошло: тот, кто способен в пыль стереть артефакт тысячелетней давности, обладает чудовищной силой. Радоваться надо, что они живы остались, а не о мести думать.

На губах Юй Сыхуаня вспыхнула хищная, зловещая ухмылка:

— Не извольте беспокоиться, отец. Через полмесяца этот наглец будет либо мёртв, либо покалечен.

Во дворе бамбуковой рощи чёрный туман рассеялся. Мо Яньхань с ледяным выражением лица свернул кнут и прошёл по разрушенному двору.

Там, где он ступал, разрушения исчезали: камни вставали на место, пыль осела. Чайник на глиняном очаге снова наполнился водой и весело забурлил. Взяв его, юноша толкнул дверь в комнату.

Шэнь Хуайцзюнь склонился над кроватью. По его спине рассыпались шелковистые тёмные волосы, белые одежды касались пола. Он судорожно кашлял, плечи его дрожали, а в воздухе висел тяжелый запах крови.

Мо Яньхань потемнел в лице ещё пуще. Он опасался, что всплески духовной энергии во дворе навредят больному, и заранее поставил защитный барьер. Как оказалось, не напрасно: без этой преграды Шэнь Хуайцзюнь мог бы просто не выжить.

Поставив чайник, юноша привычным движением размешал в воде Траву Висящего Инея, подошёл к кровати и тихонько тронул Хуайцзюня за худое плечо.

— Бессмертный господин, я прогнал тех задир, — мягко проговорил Мо Яньхань. — Выпейте воды, промочите горло.

Шэнь Хуайцзюнь, находясь в полузабытьи, пришёл в себя от этого обращения. Он поднялся, и его ладони, вымазанные в свежей алой крови, выглядели пугающе.

— Я... кашлял кровью?

— Да. Выпейте.

Голос Мо Яньхана звучал всё более ласково, он буквально из рук в руки передал пиалу. Шэнь Хуайцзюнь в смятении послушно принял её и выпил тёплый отвар до дна.

Лишь полчаса спустя к Шэнь Хуайцзюню окончательно вернулась ясность мысли. Когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что лежит на постели, укрытый тяжёлым плащом из вороньих перьев, а кровь с его рук аккуратно смыта.

Вспомнив произошедшее, он вдруг уловил оговорку в словах юноши.

— Ты назвал меня Бессмертным господином? Ты знаешь, кто я? — спросил Шэнь Хуайцзюнь.

Юноша, листавший повесть, замер, а затем кивнул:

— Знаю.

В комнате повисла тишина. Шэнь Хуайцзюнь задумчиво погладил мягкий ворс плаща и нерешительно произнёс:

— Зная, кто я такой... ты всё равно ухаживаешь за мной?

Дурная слава давно опередила его, даже последние простачки в глухих деревнях знали про «злодея Шэнь Хуайцзюня». И юноша явно понимал, что кроется за этим именем.

Но тому, похоже, было всё равно.

— Я всегда знал, кто ты. Но мне кажется, что ты... — Мо Яньхань хотел было сказать «хороший человек», но вовремя вспомнил, как Шэнь Хуайцзюнь упёк его в Царство призраков, и поправился: — Мне кажется, ты человек чистый и благородный. Ты точно не способен на низкие поступки.

Пальцы Шэнь Хуайцзюня замерли. Он тихо отозвался:

— Вот как...

Он повернул голову к окну, разглядывая бамбуковую рощу. На вид он оставался всё таким же невозмутимым и спокойным, словно услышал нечто совершенно обыденное, однако его пальцы, сжимавшие плащ, побелели, а в душе бушевал ураган.

Столько лет он отдавал всего себя ради других — и хоть кто-то ответил ему добротой? А теперь, когда он оказался на самом дне отчаяния, его спас абсолютно чужой юноша, который ещё и подкармливал его, желая, чтобы тот получше откормился.

И эта простая, искренняя забота отозвалась в его сердце небывалым трепетом.

"Не думал... что в этом мире ещё остался кто-то, кто верит мне."

"Какая редкость."

<http://bllate.org/book/20545/2108956>